

Елена Войцева,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой общего и славянского языкознания
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

РАЗНООБРАЗИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ КОНЦЕПТА 'МОРЕ' В МАРИНИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ИВАНА РЯДЧЕНКО

В конце XX века язык как сущность, с помощью которой интерпретируются репрезентированные в нем ментальные категории, предстает в центре исследовательских интересов языковедов. С позиций лингвокультурологии, изучающей определенным образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, важными являются антропологическая парадигма, интегрированное знание.

Концептуализация и категоризация культурной информации, концепт как сложно организованная смысловая единица, средство и способ языковой концептуализации мира исследовались в работах Н. Ф. Алефиренко [2002], Анны Вежбицкой [2001], С. Г. Воркачева [2001], В. И. Карасика [2002], Е. С. Кубряковой [2004], З. Д. Поповой и Й. А. Стернина [2001, 2009], Ю. С. Степанова [2007], Г. В. Токарева [2003] и др. Однако по-прежнему остается немало нерешенных вопросов, касающихся особенностей языковой репрезентации и структуры базовых концептов, в частности вербализации концепта 'море' в художественном тексте.

В современных синкретических теориях концепта, подчеркивает Г. В. Токарев, наблюдается совмещение постулатов когнитологии и лингвокультурологии, а концепт как глобальная многомерная единица, по

мнению ученого, характеризуется следующими признаками: «исторический детерминизм; широкая экстенциональность; структурированность интенционалами научных и обыденных понятий, представлений, культурных установок, идеологием, стереотипов; неоднородность содержания, проявляющаяся в синтезе конкретного и абстрактного, рационального и эмоционального; разнообразие типов знаковых репрезентаций» [12, с. 8; 12].

Отметим, что под термином **концепт** в современной когнитологии понимается «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [5, с. 90]. Лингвокультурное содержание концепта как мыслительной единицы можно отчасти смоделировать путем изучения языковых единиц, номинирующих его.

Целью нашего исследования является структурный анализ концепта 'море' в маринистическом дискурсе известного одесского поэта Ивана Рядченко.

Концепт 'море' занимает особое место в общечеловеческом плане (как место работы человека и добывания пищи, с эстетической точки зрения), он принадлежит к базовым концептам русской культуры. В его структуру входит лексема с понятийным ядром и семантическим объемом. Словарные данные позволяют установить семантику лексемы *море*: «Часть Мирового океана, более или менее обособленная сушей или возвышениями подводного рельефа» [МАС т. 2, с. 299].

Кроме того, концепт 'море' в лирике И. Рядченко представляют архетипные первообразы, научные и бытовые понятия, когнитивные стереотипы о море, а также индивидуальные смыслы. К архетипным, наиболее общим первопонятиям в структуре концепта 'море' относим: 1)

море – очень большое озеро; 2) «Представление о первичности морской стихии, из недр которой возникает или создается земля, имеет, в сущности, универсальный характер, и это представление можно найти почти во всех мифологиях мира...» [6, с. 206]; 3) море – это конец и начало всего; море как мать рождает жизнь; море – символ вечности; 4) море – это жизнь с ее заботами и волнениями (*Житейское море* книжн., устар.); 5) *за морем (за морями)* (устар.) «быть очень далеко, в чужих странах» [МАС, там же].

Архетипные признаки последовательно вербализуются в лирике И. Рядченко, например, первичность моря, его вечность: Море, море, ответь, / не пойму до конца – как в тебе, / охватившем такое пространство, / постоянно живут, словно два близнеца, / обновления бег и закон постоянства?» («Начинается в мае купальный сезон»); *Опять моря, приливы и отливы, / разлуки, встречи, волны и пассат. / А стрелки циферблатные ревнивы, / как миг тому, как сотни лет назад («Опять моря, приливы и отливы»).*

Морское пространство выступает границей между «своим» и «чужим» локусом, оно простирается далеко: «Нас такая даль сосватала /, что из *дальней стороны* / привезен загар экватора / да немного седины» («Шутливая песенка»); «Чьи-то жены остаются, / корабли уходят в море. / Им качаться в штормах лютых, / проплывать *чужие дали*» («Капитан причалил к дому»).

Для поэта море – это его жизнь: ... ты всегда во мне, /*дар красоты, соленый вкус работы; / Ты и любовь, и подвиг, и беда...* («Вечный непокой»); Нелегко он, моря просоленный хлеб, / – разлуки, бессонные ночи. У нас капитан называется кэп: / для форса и просто короче. / *И снова циклоны, бессонница, труд.* И вновь суеверно он верит, что кэпы без моря недолго живут, когда они сходят на берег... («Кэп»).

Культурно релеванты воплощенные в структурной организации концепта 'море' научные и наивные, бытовые понятия. Признаки практического знания представляют собой пространственные характеристики (море обширное пространство, заполненное водой),

зрительные (цвет), вкусовые качества (море горько-соленое), акциональные (спокойное море – штиль и бурное море – шторм).

Поэт характеризует море как безграничное вселенское пространство: «Тишина. / Лишь небо в споре с **синим космосом воды** («Наши пенные следы»); Штормы, **море беспредельное** позабыть я не могу («Кок»). Морская стихия противопоставляется суше: **Плывем мы** под чужими берегами, / проносим синий ветер на крыле. / Но все равно мы первыми шагами / обязаны **незыблемой земле** («Стапеля»).

Наиболее частотным цветовым признаком, используемым по отношению к морю, в поэзии И. Рядченко выступает синий цвет: ...над **синими морями** морзянки тонкий дождь («Акула»); Мы попадаем к морю в плен, / и без него нам как без соли. / А **море синее** взамен / нас учит мужеству и воле («Суровый тост»). Необходимо отметить, что цветовая гамма в стихотворениях одесского поэта отличается большим разнообразием, ср.: море *голубое, голубоватое, серое* (...море холодно хлупает **серой** волной («Теплоход на подводных крыльях»); *зеленое, бирюзовое, жемчужное, серебристое, хрустальное, изумрудное* («так волна **изумрудна** и брызги **хрустальны** («Начинается в мае купальный сезон») и др.

Морская вода соленая на вкус, что отображает современное состояние этой части водной поверхности: Пылит возле борта **соленая влага** («Южные широты»); ...осыпать **соленою влагой** («В Ливадии, в Ялте, в Мисхоре...»)

С особым мастерством И. Рядченко показывает изменчивость морской стихии, которая может быть спокойной и бурной: Взволновано не легоньким пассатом, / а **злым норд-остом**, смыслу вопреки, / вчера ты, море, тигром полосатым на нас кидалось, / скалило клыки. / Вчера взъярилось, глупое, спросонок. / Но вышла ночь и **устирила дрожь**. / Сегодня ты, как голубой

котенок, / мурлыча, о причалы спину трешь... («Взволновано не легоньким пассатом»); Наверно, джина или бренди хлебнул залив на рождество: / **вразнос пошел святой Лаврентий** и вся нелегкая его! / Ну и характер у святого! **Сметает гребни с пенных гор, / швыряет в пропасть нас /** и снова **подносит к космосу** в упор («Залив святой Лаврентий»); Порой так **нежен облик океанский, /** что можно докричаться до земли («Порой так нежен облик океанский»).

В море происходит постоянное перемещение водных масс: **Бушует вода, /** как разгневанный бог («Вода»); Нас **кренит направо, нас кренит налево** («Созвездие Девы»); Когда **волна вздымает злая нас, / швыряет вниз** громадой всей, / о как нужна непотопляемость / в железной памяти друзей! («Когда уходят корабли»); Не остановишь ты мое движение, / **раскачивая гребнями зарю** («Атлантика»).

Обыденные знания в структуре базового концепта ‘море’ представлены в соответствующих представлениях, стереотипах, а также в синонимах *вода, стихия, простор, бездна*, которые позволяют по-разному интерпретировать рассматриваемый многосторонний феномен.

Морская бездна представляет опасность для человека; дно моря – это смерть: В море нет обелисков. / Только темное дно. / Только **вечного риска это море полно** («В море нет обелисков»); Пусть вода, как вечность непочата / и **недолго повстречать беду** («Заскучал»); Ревущие сороковые / вы злющие и роковые, / **судам ломаете хребет** («Ревущие сороковые»).

К субкультурным знаниям, поверьям, предрассудкам, распространенным в среде моряков, относятся представления о море как о живой материи, о неразрывной связи моря и человека: Иль словно на каменоломне тяжелой галькой шурша, / **старается людям напомнить**, как смутна природы душа? («В Ливадии, в Ялте, в Мисхоре»). Хранителями душ моряков, погибших в кораблекрушениях, являются в морских поверьях

чайки: Тучка в небе, как разведчица, / Тишина да синь без края. / Только чайки стонут, мечутся, тишине не доверяя. / Душно травы пахнут прелые, Море лижет руки суше. Говорят, что *чайки белые – моряков погибших души* («Чайки»).

Море – это волшебное пространство, в котором обитают мифические существа – русалки, Нептун (бог морей), дядька Черномор: Здесь начинаешь верить в чудеса: / сейчас из пены явится *русалка*, блеснет жемчужно мокрая коса .../ А, может быть, походкою упругой, / из глубины тенистой на простор, / волну взмутив чешуйчатой кольчугой, / шагнет с дружиной *дядька Черномор*? («Прибой»); Как часто я, надеясь на фортуна, / вверял себя волнам и кораблю / и вместе с судном кланялся *Нептуну*, / хоть кланяться начальству не люблю («Поклоны»).

В гендерном социокультурном векторе в структуре концепта ‘море’ И. Рядченко реализует традиционное понимание, того, что на море должны работать мужчины: Стонет судно мое железно. / В шуме шторма одно постиг: / равноправье – оно полезно, но, наверно, не в этот миг. / Шумно в уши шибает пена / возникающих гор, лощин. / Я скажу тебе откровенно: / *море создано для мужчин* («Снова звезды качает небо»).

К особенностям концептуальной структуры рассматриваемого концепта относятся также индивидуально-авторские смыслы.

Например, поэт воспринимает море как пространство, которое учит мужеству (море не любит слабых), преодолению разлуки с близкими, с родным домом: Опять бессонно чайки кружатся / в соленой штормовой пыли. / И всем нам очень нужно *мужество*, / когда уходят корабли («Когда уходят корабли»); Но океан! Ты был в моей судьбе / поводырем, учителем в борьбе. / И расставаясь с гаванью земною, / я *приходил за смелостью* к тебе / – и ты делился мужеством со мною («Разбитый иллюминатор»); Ох, море, море, вечный непокой, / ты для меня не краски и не звуки / – немногословье *верности мужской, / преодоление горестной разлуки* («Вечный непокой»).

Автор находится в гармонии с морем, которое для него является символом романтики, новых путешествий (И здесь, где океан качает звезды валко, / вдруг источает грудь неудержимый вздох / – и пройденных путей ни капельки не жалко, / и *есть голубизна в романтике дорог!* («Огни святого Эльма»).

Море зовет и манит лирического героя: *Песня синих морей* / – это белая-белая птица, что летит за кормой день и ночь, как ручной альбатрос. / И не в скалах она, / а в доверчивых душах гнездится, / драит медь корабля, как пропитанный солнцем матрос («Песня синих морей»); Но долго гремящее *море взрывается где-то во мне!* («В Ливадии, в Ялте, в Мисхоре»); Тебе, *родное море*, навсегда я подарил багровый парус сердца («Вечный непокой»).

В маринистическом дискурсе И. Рядченко актуализуются такие признаки концепта 'море', как звук: моря *ропот* («Железный матрос»); моря *зов упрямый* («Здесь все девчонки чуточку морячки»); *гремящее* море; *шипучая* пена; морской волны *шипучий бас; однозвучный бег* волны; *воют* штормы без конца где-то на планете («Морячка»); *рокочет* моря вселенский накат («Первая любовь»); характер движения: море *зыбучее, вздыбленное*; море *в суши прогрызло бреши* («Купают матери детей»); гребни *крутят сальто* («Воспоминания о Григорьевском десанте»); прибой *свивает гребни в кольца* («Опять моря, приливы и отливы»); форма: *острые гребни*.

Негативно-оценочное отношение к морскому простору связано с его восприятием как опасного места, в котором часто гибнут люди: Тревожно все и все всерьез, когда звучит без проволоочки «Спасите наши души!» – «SOS»! / Три точки – три тире – три точки. / *Кому-то трудно там*, вдали. / Даны долготы и широты. / И курс меняют корабли, / и на воду спускают боты («Тревожно все и все всерьез»); В Цусимском проливе гуляет волна, / туман наплывает клубами. / *Встают командоры с далекого дна* и синими шепчут губами, / – Привет вам, сыночки и внуки, привет! / Мы солью глаза оросили.

/ И морю над нами спокойствия нет, / мы – горечь ушедшей России («Цусима»); Страшной властью океанов сняты звания живых: / *нет на дне ни капитанов, ни матросов рядовых* («Наши пенные следы»).

К механизмам кодирования концепта ‘море’ в лирике И. Рядченко, относятся: использование антропоморфного (В Ливадии, в Ялте, в Мисхоре / опять, захмелевшее вдрызг, / взрывается Черное море / крахмальной россыпью брызг. / Покрывши себя гребешками, / оно, не влюбив тишины, / швыряет на острые камни *зеленое тело волны* («В Ливадии, в Ялте, в Мисхоре»), биоморфного (*синий зверь, царство осьминога*) и предметоморфного культурных кодов (*океанская зыбка, водяная колыбель*).

Партитивная номинация концепта ‘море’ вербализуется следующими лексемами: 1) *волны*: ...на желтый берег падает *волна* / и уползает вдаль неторопливо («Вечный непокой»); *Волна* о камни мола бьется («Смотритель маяка»); ...прибойных *волн* бежала вереница («Поклон»); *волны* о форштевень бьются («Железный матрос»); 2) *прибой*: Уже голубоватый и весенний, / как прежде бесшабашный и рябой, / рождая очаги землетрясений, о стенку мола ухает *прибой* («Прибой»); Шумел *прибой* во мгле весенней («Эстонский одеколон «Старый Томас»); 3) брызги: в *брызгах* радуги горят; *брызги* вздымаются в шумном раскате («Ночная качка»).

Таким образом, структуру содержания концепта ‘море’ в лирике Ивана Рядченко репрезентуют архетипные представления, универсальные научные и обыденные понятия, культурно-национальные, субкультурные, а также индивидуально-авторские смыслы. Для идиостиля одесского поэта характерна антропоморфизация моря как предмета концептуализации с целью создания романтической образности и соответствующей культурной среды.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование // Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2003. – 96 с.

2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филол. науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
5. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
6. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М. : Наука, 2000. – 407 с.
7. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин – Воронеж : Истоки, 2001. – 191 с.
8. Рядченко И. И. Избранные произведения: В 2-х т.; с предисл. М. Дудина / И. И. Рядченко. – К. : Днипро, 1984. – Т. 1–2.
9. Рядченко И. И. Короткий праздник жизни (Лирика). – Одеса : Друк, 2001. – 188 с.
10. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
11. Стернин И. А. О лингвокогнитивном подходе к языку (вступительное слово к дискуссии) / И. А. Стернин // Вестник ВГУ. Сер. Философия. – 2009. – № 1. – С. 201 – 204.
12. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): Монография. – Волгоград : «Перемена», 2003. – 232 с.
13. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981 – 1984. Т. 2 (МАС)